

ГЛАВА 41. ГОРЯЩАЯ НОЧЬ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Больше всего на свете Ань Но ненавидел понедельники. Ему казалось, что тематические ночи «Горение», которые Чжэн Жуй устраивал в начале каждой недели, созданы исключительно для того, чтобы проверять на прочность нервы сотрудников службы безопасности. Но он и представить не мог, что обычно прижимистый босс сегодня впадет в такое безумие и объявит акцию «два по цене одного» на весь ассортимент! Куда ни глянь: сплошной крепкий алкоголь, пьяные в стельку лица и безумные всполохи лазеров... Мир окончательно сошел с ума.

За барной стойкой А-ци крутился как заведенный. Он без остановки заливал в шейкер спиртное всех цветов и вкусов, а на стойке уже выстроилась длинная шеренга готовых коктейлей, ждущих отправки в зал. В сердцах бармен ударил по колокольчику вызова: куда подевались эти полтора десятка официантов? Почему он, бармен, работает быстрее, чем они успевают разносить заказы?

В это время Сяо И отчаянно пытался отбиться от одной из посетительниц, изо всех сил объясняя, что не работает «на выезде» — ни за какие деньги. Дама, будучи в самом разгаре веселья, была крайне недовольна тем, что ей «портят малину», и, схватив парня за одежду, принялась демонстрировать свои выдающиеся формы. Сяо И, пунцовый от смущения, пятился назад и затравленно озирался в поисках спасения. Он заметил Чжэн Жуя, который в углу потягивал вино вместе с Хань Цзыфэем — казалось, эти двое полностью отгородились от окружающего хаоса. Сяо И не знал наверняка, связывают ли их «те самые» отношения, но, судя по вечной двусмысленности их поведения, если они еще не вместе, то это лишь вопрос времени. Разумеется, на воркующего босса рассчитывать не приходилось.

Ань Но как раз выбрался из людского месива на танцполе и теперь стоял, привалившись к колонне. Он тяжело дышал, а по лицу, искаженному брезгливостью и раздражением, было ясно: он на грани того, чтобы сорваться на драку. Сяо И принялся отчаянно жестикулировать, надеясь, что Ань Но, чей успех у женщин был почти сверхъестественным, заберет у него этот «горячий картофель».

В баре царил невообразимый беспорядок, но Ань Но выбрал позицию профессионально: отличный обзор всего зала, близость к выходу. Плохо просматривались лишь кабинки-кабинеты, скрытые за барной стойкой в полумраке. Заметив мученическую мину Сяо И, Ань Но нехотя подхватил с барной стойки чей-то бокал и своей привычной ленивой походкой направился к ним.

— Дама, — Ань Но мягко, но уверенно перехватил женщину за локоть.

Надавив указательным и средним пальцами на нужные точки, он заставил её почувствовать тупую ломящую боль — не сильную, но достаточную, чтобы пальцы гости непроизвольно разжались и выпустили рукав Сяо И. Парень тут же нырнул в толпу и был таков.

— В чем дело? Ик... — Женщина икнула, обнаружив, что симпатичный официант испарился. — Эй... ты куда?

Она затуманенным взором проводила стремительно удаляющегося Сяо И и гневно обернулась к Ань Но:

— Смотри! Он сбежал! — В её голосе звучало прямое обвинение.

Ань Но мысленно закатил глаза:

"Конечно сбежал! Похоже, эта особа не так уж и пьяна — типичный случай, когда человек просто ловит кураж под градусом"

— Видите ли, вон тот джентльмен в серебристо-сером пиджаке у барной стойки заказал для вас «Случайную встречу». Он передал, что ваша элегантность делает эту ночь незабываемой, — с этими словами Ань Но осторожно поставил бокал на столик.

Вино в нем было темно-красным, и одному богу известно, как оно называлось на самом деле.

— О? Неужели? Поблаговари его от моего имени, — женщина тут же выпрямилась, грациозно скрестив стройные ноги в чулках. Гнев мгновенно сменился высокомерным изяществом.

— Обязательно, — Ань Но почтительно отступил.

Он ни капли не сомневался, что дама не пойдет к бару проверять его слова. А если и пойдет — по его опыту, в такой толпе всегда найдется охотник за приключениями, и они наверняка поладят.

Вернувшись к стойке, он застал Сяо И, который готов был пасть перед ним ниц и воспевать хвалу небесам за спасение.

А-ци, не отрываясь от дела, лишь мельком взглянул на них:

— Если вам девать некуда ваше «женское внимание», давайте поменяемся. Я сейчас сдохну на этой работе, заказы копятсь быстрее, чем их успевают уносить.

— Дружище, мы тут не только напитки разносим, — проворчал Сяо И. — Чеки, оплата, фруктовые нарезки, уборка столов... всё на нас. Да еще и улыбаться каждому встречному обязаны!

А-ци презрительно фыркнул:

— Да брось, просто бездельничаете где-то! Вот Бай Ичэнь пошел заказ отдавать — там до кабинки и пятнадцати метров нет, а его уже десять минут не видно. Ну сколько можно? — А-ци

кивнул в сторону закрытых мест.

— Какой номер кабинки? — В сердце Ань Но внезапно шевельнулась тревога, пульс участился.

— Да кто ж их упомнит? — А-ци на секунду замер. — Четвертая или девятая, кажется.

Ань Но мгновенно прищурился. Он сорвался с места, грубо расталкивая людей. Повинуясь какому-то звериному чутью, он рванул напрямик к четвертой кабинке, оставляя за собой шлейф ругательств от возмущенных посетителей.

То, что он увидел, добравшись до места, заставило его кровь закипеть.

Вокруг четвертой кабинки уже начала собираться толпа. Люди перешёптывались, тыча пальцами в лежащего на полу юношу. Это был Бай Ичэнь. Он лежал почти обнаженным среди груды битого стекла, судя по всему, в глубоком обмороке. Маленький круглый столик был опрокинут, брюки содраны до колен, а на неестественно бледной коже бедер отчетливо виднелись иссиня-черные следы от пальцев и длинные царапины. На шее багровым кольцом проступали гематомы — Ань Но, с его опытом в уголовном розыске, сразу понял: при такой силе удушения человека могли убить в считанные секунды. Рубашка, скомканная в окровавленный ком, валялась рядом; лишь один рукав сиротливо висел на локте. Белая ткань была залита ярко-алым. Ань Но отчаянно хотелось верить, что это разлитое вино, но разум холодно констатировал: кровопотеря у Бай Ичэня серьезная. Повсюду была смесь алкоголя, крови и острых как бритва осколков — сплошное месиво.

Ань Но пошатнулся. Оттолкнув зевак, он рухнул на колени рядом с парнем. Когда он протянул руки, чтобы поднять его, в самой глубине его существа вспыхнула такая жажда крови, что он разъярился. Спина Бай Ичэня была буквально усеяна мелкими осколками стекла — он рухнул в это крошево с огромной силой! Ань Но замер, его руки дрожали. Он озибался, не зная, как подступить: он хотел обнять его, поднять, но боялся причинить еще большую боль. Он испытывал такую муку, что на мгновение перехватило дыхание.

Сяо И, в недоумении прибежавший следом, застыл как вкопанный, увидев эту картину. Но он тут же заметил мерзкого толстяка, который пытался незаметно просочиться сквозь толпу. Не раздумывая, Сяо И мертвой хваткой вцепился ему в плечо и взревел:

— Куда собрался, мразь!

Шум и суматоха в зале наконец привлекли внимание осветителя и диджея. Музыка резко стала тише, а свет — ярче и ровнее. Чжэн Жуй и Хань Цзыфэй, находившиеся на другом конце бара, заметили неладное и поспешили к источнику беспокойства.

Толстяк понял, что пути к отступлению отрезаны. Хмель мгновенно выветрился, а былая похотливая удаль сменилась ледяным ужасом. В душе заворочалось запоздалое раскаяние. На самом деле всё произошло из-за одной вспышки вожделения — в свете софитов этот мальчишка показался ему таким чистым и в то же время строптивым, что он не смог сдержаться. Он повидал немало парней, готовых на всё ради денег, но никто не вызывал у него такого хищного желания сломить и подчинить любой ценой. А теперь этот парень лежал в луже крови, а человек, схвативший его за плечо, смотрел так, будто готов был испепелить на месте.

— Это... это не я! Клянусь, не я! Он сам наткнулся, честное слово... Спросите их, если не верите! — Толстяк в панике указал на трех парней, сидевших рядом.

Те были напуганы не меньше. Они никогда не видели ничего подобного. Обычно в таких заведениях всё заканчивалось слезами, криками или, в крайнем случае, потасовкой. У мужчин понятие о чести редко доходило до крайностей; как говорится, «даже если укусила собака, ты же от этого не забеременеешь». Никто и подумать не мог, что кто-то пойдет на самоубийственный шаг ради сохранения достоинства. Когда Бай Ичэнь, извернувшись, из всех сил оттолкнулся ногами от спинки дивана и всем телом, словно снаряд, врезался в столик, они даже не успели среагировать. Им оставалось только смотреть, как рука толстяка отлетает в сторону, как опрокидывается стол с бутылками, и как хрупкое, полураздетое тело парня рушится в битое стекло, ударяясь головой об острый край.

Сяо И даже не собирался расспрашивать свидетелей. Любой, кто долго крутится в индустрии развлечений, понимал всё без слов. Он до боли сжал плечо толстяка и рывкнул ему прямо в лицо:

— Заткнись, ублюдок!

Чжэн Жуй мгновенно оценил обстановку. Он решительно обернулся к Хань Цзыфэю:

— Вези их в больницу, я разберусь здесь сам! — Затем он перевел ледяной взгляд на толстяка и бросил Сяо И: — Вызывай полицию. И пусть Сяо Чжан немедленно несет записи с камер в мой кабинет.

Толстяк затрясся всем телом, жир на его щеках пошел волнами. Из затуманенных алкоголем глаз брызнули слезы:

— Не надо... прошу вас! Не вызывайте полицию! Я... я всё оплачу, любые деньги!

Сяо И наотмашь ударил его локтем под дых. Толстяк, захлебываясь кашлем, обмяк и бесформенной грудой осел на пол.

Чжэн Жуй приказал Сяо И запереть мерзавца в кабинете, а сам бросился к диджейскому пульта. Вскоре над залом разнесся голос: «Дамы и господа, на сегодня всё. В качестве

извинения за прерванный вечер — каждому по бутылке пива за счет заведения». В толпе пронесся гул обсуждений, но возможность бесплатной выпивки быстро взяла своё. Люди начали расходиться.

Хань Цзыфэй внимательно наблюдал за Ань Но. Увиденное привело его в состояние странного возбуждения. Ань Но, за которым он наблюдал полгода, проверяя его на прочность, всегда казался образцом выдержки — умный, проницательный, с железным самоконтролем. Хань Цзыфэй полагал, что изучил его вдоль и поперек, но нынешний Ань Но был неузнаваем. И это пугало, но в то же время и радовало. Раньше Ань Но казался человеком без слабостей, неуязвимым и скользким, что заставляло Хань Цзыфэя чувствовать себя неуютно. Но теперь стало очевидно: этот истекающий кровью мальчишка значит для него слишком много. Ради него Ань Но был готов отбросить всю свою холодность и стать «нормальным» человеком, подвластным эмоциям.

Для Хань Цзыфэя это был идеальный исход.

Ань Но сидел на полу уже несколько минут, лишь тихим, надтреснутым голосом повторяя имя Бай Ичэня. Ему казалось, что вот-вот этот сорванец откроет глаза, оскалится и огрызнется: «Чего орешь? Душу из меня вынуть решил?» Он мечтал прижать его к себе, как тогда, на диване в комнате отдыха, и пусть бы тот снова обозвал его извращенцем.

Но «глупый Сяо Бай» лежал неподвижно, пугая страшными ранами.

Ань Но охватила паника. Не гнев — для него еще не пришло время, — и даже не жалость. Его сознание словно онемело. Он не знал, что делать, и понимал лишь одно: если бы Бай Ичэнь сейчас открыл глаза, он отдал бы за это всё на свете.

— Ань Но! — Сяо И с силой пнул его по ноге. — В больницу его, быстро!

Ань Но вскинул голову, словно этот пинок вернул его в реальность. Больница? Точно, немедленно в больницу! К нему разом вернулись и хладнокровие, и решительность. Он осторожно подхватил Бай Ичэня за плечи, перекладывая его так, чтобы тот прижался грудью к его плечу, и подхватил под бедра. Он нес его на руках, словно ребенка. Голова парня бессильно упала на плечо Ань Но, и влажные следы от слез на лице Бай Ичэня коснулись его шеи. Это теплое прикосновение внезапно разожгло в душе Ань Но настоящий пожар ярости.

Он посмотрел на толстяка — взгляд был абсолютно пустым и неподвижным. Ни одна мышца не дрогнула на его лице, ставшем каменным, но толстяк внезапно закричал от ужаса. Он увидел в Ань Но неприкрытую жажду смерти и понял: этот человек его убьет.

— Быстрее, я за рулем! — крикнул Хань Цзыфэй. — В больницу!

Чжоу Сюй сегодня чувствовал себя рыбаком, который до изнеможения латает дырявые сети. Только что он закончил разбираться с жертвами крупной аварии, затем отвечал на вопросы полиции, и сейчас мечтал только об одном — запереться в туалете и уснуть прямо на унитазе. Но тут раздался резкий, настойчивый сигнал тревоги. Чжоу Сюй знал: это серьезный случай. Легких пациентов регистратура скидывает на интернов. Он сорвал с себя испачканный кровью халат, накинул чистый и помчался в приемный покой.

Едва завернув за угол, он увидел Ань Но. Лицо, которое он видел всего несколько дней назад, теперь было бледным и перепачканным чужой кровью. Он был напряжен до предела, сжимая челюсти так, что выпирали желваки. В этом человеке Чжоу Сюй прочитал всё: и ярость, готовую смести этот мир, и страх, пронзающий до костей. Врач часто видел такое выражение лица за полгода работы дежурным ординатором. Так смотрят люди на своих близких, когда те балансируют на грани жизни и смерти. Это гнев, обращенный в пустоту — ко всем богам и демонам сразу, и ужас перед неопределенностью будущего.

Чжоу Сюй проследил за взглядом этого высокого мужчины. На каталке лежал худощавый парень, его обнаженная спина представляла собой кровавое месиво, в котором под лампами зловеще поблескивали сотни мелких искр — осколки стекла. Нижняя часть тела была прикрыта простыней, сквозь которую уже проступали алые пятна.

"Промывание физраствором, местная анестезия прокаинам, удаление сгустков и инородных тел, ревизия ран, остановка кровотечения, швы, ПСС три тысячи единиц, внутривенно сульбенциллин..." — в голове Чжоу Сюя мгновенно выстроился алгоритм действий.

Он склонился над кроватью и первым делом посветил фонариком в зрачки пациента. Реакция на свет была живой — похоже, удар головой был не критичным, но проверку всё равно стоило провести тщательную.

— Свяжитесь с рентгенологией, КТ головы! — бросил он медсестре. — Готовьте операционную, зовите анестезиолога. Мужчина, около двадцати лет, обширные рваные раны спины. — Чжоу Сюй выпрямился, мельком взглянув в карту. — Умеренная кома, давление в норме, подозрение на повреждение внутренних органов. Готовьте прокаин.

Отдав распоряжения, он наконец внимательно всмотрелся в лицо пациента. Бай Ичэнь. Снова! Чжоу Сюй готов был взвыть от такого совпадения. Обернувшись, он наткнулся на застывшего Ань Но, от которого веяло едва сдерживаемой жадой убийства. И в этот момент его осенило:

"Так вот почему он казался мне знакомым! Это же он приволокся посреди ночи в крови, чтобы ему зашили голову!"

Чжоу Сюй решил, что ему лучше поскорее скрыться. Он уже собирался везти каталку в операционную, но в последний момент, повинаясь какому-то наитию, бросил Ань Но:

— Раны внешние! Признаков повреждения внутренних органов пока нет.

Ань Но на мгновение воспрял духом.

Ань Но смотрел на закрытые двери операционной, а затем бессильно опустился на стул в коридоре. Сознание понемногу прояснялось. Краем глаза он заметил Хань Цзыфэя, который стоял поодаль и с кем-то негромко говорил по телефону.

Что теперь? Ань Но задал себе этот вопрос. Он так долго выстраивал этот план, просчитывал каждый шаг, доводя схему до совершенства. Но он упустил из виду одну-единственную деталь.

Чувства. Их невозможно просчитать.

Хань Цзыфэй закончил разговор и медленно подошел к нему. Он ободряюще похлопал Ань Но по плечу:

— Не переживай. Выглядит жутко, но это в основном кожа и мышцы... Парню будет чертовски больно, просто невыносимо, но жизни ничего не угрожает, поверь мне.

Ань Но нервно вытянул из пачки сигарету, но, спохватившись, смял её и засунул обратно в карман:

— Этот мальчишка... он слишком жестоко с собой обходится.

Ань Но давно это понял — Бай Ичэнь был беспощаден к самому себе. Его манера выживать через самоистязание поражала. Трудно было поверить, что человек может быть настолько непримиримым. Но когда Ань Но вспоминал, как тот, не дрогнув, отдавал последние деньги почти чужой старушке А-по ради тарелки лапши, ему казалось, что в этом мальчишке живет какой-то безумный альтруизм. Этот упрямый, хитрый и в то же время чистый, как ключевая вода, юноша обладал над Ань Но пугающей властью. Рядом с ним Ань Но терял всякую защиту.

— Тот, кто четыре дня назад валялся с лихорадкой, — это ведь он был, верно? Ты так за него печешься... Даже не ожидал от тебя такой прыти, — Хань Цзыфэй смерил его пронизательным взглядом, в котором сквозила усмешка.

— Говори прямо, чего хочешь! Не ходи вокруг да около, — Ань Но решил, что лучше сразу расставить точки над «i». Он знал, что скрыть правду от Хань Цзыфэя и Чжэн Жуя не получится — у этих двоих слишком острый глаз.

— Ты сам прекрасно знаешь, о чем я, Ань Но. А он-то в курсе?

— Нет. И ему незачем знать.

— Что, неужели он «по девочкам»?

— Угу, — коротко буркнул Ань Но, не давая собеседнику возможности развить тему.

— О как... А я и не знал, что ты тоже! Чжэн Жуй говорил, твоими бывшими можно футбольную команду укомплектовать, а если прибавить тех, с кем тебе приписывали романы — так и на две лиги хватит.

— Я бисексуал, — отрезал Ань Но без тени смущения.

В этот момент он и правда был готов в это поверить — иначе как объяснить это безумное влечение к Бай Ичэню?

— И что, даже не попробуешь приударить?

— Нет! — В этом отказе не было ни капли сомнения.

Ань Но говорил искренне: с самого начала он и мысли не допускал о «преследовании». Он хотел быть просто старшим братом, оберегать его, пока тот не повзрослеет. А когда-нибудь в будущем, возможно, он встретит женщину, которую полюбит так же сильно, и тогда у Бай Ичэня появится еще один близкий человек, который будет о нем заботиться. Теперь, когда Хань Цзыфэй узнал о его чувствах, это само по себе стало угрозой для Бай Ичэня. Ань Но не мог позволить этой опасности вырасти.

— Ну... у меня есть на примете парочка парней, отличные ребята, правда. Из приличных семей. Хочешь, познакомлю? — в голосе Хань Цзыфэя прозвучали издевательские нотки.

Ань Но на секунду лишился дара речи. Если он откажется, это будет прямым признанием того, насколько глубоко он увяз в чувствах к Бай Ичэню. А это смертельно опасно. Но если он согласится... Ань Но попытался представить, как обнимает какого-то левого парня. Кожу мгновенно обсыпало мурашками, по спине пробежал холодок, а к горлу подступила тошнота.

"Черт бы всё побрал, как же это всё дико..."